

Е. В. Сомова

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

elisabethsomova@gmail.com

АВТОМАТИЗИРОВАННОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ СМАРТ-КОНТРАКТА

Рассмотрена юридическая квалификация исполнения обязательств из смарт-контракта, а также категория заранее выраженного согласия должника на исполнение такого обязательства. Обосновывается, что такое исполнение обязательств имеет характеристики, отличные от тех, которые закреплены в Гражданском кодексе Российской Федерации применительно к исполнению обязательств, и носит автоматизированный характер. Используя данный термин, автор опирается на имеющиеся в РФ законопроекты, касающиеся смарт-контрактов, а также на зарубежный опыт правового регулирования и предлагает понимать под ним исполнение обязанностей, а также осуществление, изменение и прекращение прав по обязательству, которое происходит автоматизированно на основе электронного алгоритма, согласованного сторонами путем заранее выраженного согласия с условиями договора. Также автором анализируется зарождающаяся российская и зарубежная практика исполнения обязательств из смарт-контракта, возможности судебного решения при наличии технической ошибки в смарт-контракте.

Ключевые слова: смарт-контракт, обязательства из смарт-контракта, автоматизированное исполнение обязательств.

В настоящее время появляется все больше случаев использования смарт-контрактов между участниками гражданского оборота. Исполнение обязательств из смарт-контракта отлично от того исполнения обязательств, которое закреплено сейчас в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹. В качестве особенностей привычного нам исполнения обязательств из договора являются зависимость исполнения обязательств от действий должника, возможность отсрочки исполнения или исполнения обязательств не в полном объеме. Смарт-контрактам присущи иные особенности: исполнение обязательств независимо от действий должника, отсутствие возможности отсрочки или приостановления исполнения обязательства, а также исполнения обязательства не в полном объеме. Эти особенности ис-

полнения обязательств из смарт-контракта и обуславливают потенциал использования смарт-контрактов в различных правовых системах.

В то же время данные особенности исполнения обязательств из смарт-контракта, как и название такого исполнения обязательств – «автоматизированное исполнение обязательств» [1], не закреплены в законодательстве стран континентальной системы права, к которым относится и Россия. В доктрине ведутся споры относительно того, можно ли считать такое исполнение обязательств самостоятельным способом исполнения или возможно использовать категорию заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства и общие положения, относящиеся к исполнению обязательств. Суды в странах романо-герман-

¹ Рос. газета. 1994. 8 дек. № 238-239.

ской правовой семьи сталкиваются с трудностями при анализе сделок, исполняемых автоматизированным образом. Зачастую стороны, заключающие такие сделки, не получают должной правовой защиты в связи с отсутствием соответствующих положений в законодательстве. Так, например, в ряду последних рассмотренных судами дел было указано, что пока не принято законодательство, опосредующее использование смарт-контрактов в гражданском обороте, смарт-контракты не могут быть признаваемы правом. Суды полагают, что в таком случае доводы о перечислении криптовалюты не подтверждают факта оплаты денежных средств ответчику². Кроме того, поскольку практически в Российской Федерации отсутствует какая-либо правовая база для регулирования платежей, осуществляемых в «виртуальной валюте», в частности биткойне, а также правовое регулирование торговых интернет-площадок, биткойн-бирж, «все операции с перечислением биткойнов производятся их владельцами на свой страх и риск»³. Соответственно, интересы субъектов гражданского оборота не находят защиты в рамках имеющегося гражданского законодательства РФ.

Закрываемые в настоящий период смарт-контракты подразумевают достижение между сторонами согласия о заключении договора, исполнение которого осуществляется не действиями сторон, а программой для ЭВМ путем введения сторонами необходимых команд – условий договора в форме программного кода. В качестве примера такого исполнения обязательства можно привести ситуацию, когда стороны договариваются о том, что при поступлении товара в определенное место другая сторона осуществляет его оплату, т. е. списание средств со счета и передача покупателю товара происходят одновременно. Проблемный аспект заключается в том, что существующие нормы ГК РФ об исполнении обязательств не предусматривают исполнения без участия

должника. Соответственно, появляется необходимость либо в выработке новых норм, предусматривающих возможность такого исполнения обязательств, либо в трактовке норм действующего законодательства с использованием существующих конструкций гражданского права.

Рассмотрим вторую возможность – трактование норм действующего законодательства с использованием конструкций гражданского права для описания автоматизированного исполнения обязательств. Следует учитывать, что согласно принципу осуществления гражданских прав по усмотрению участников оборота, закрепленному в ст. 9 ГК РФ, сторона обязательства вправе заранее выразить свою волю в отношении возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей. Ситуация, в которой исполняется смарт-контракт, необычна тем, что от должника необходимо лишь согласие на исполнение обязательства, действий по исполнению от него не требуется. Таким образом, возникает вопрос о возможности использования категории гражданского права как заранее выраженное согласие применительно к согласию должника на исполнение обязательства из смарт-контракта.

В литературе можно найти следующее мнение по данному вопросу. А. И. Савельев полагает, что при заключении смарт-контракта сторона выражает волю на последующее совершение действий по его исполнению электронным агентом, тем самым используется категория заранее выраженного согласия на исполнение обязательства [2. С. 42]. Это подтверждает тот факт, что электронный агент, т. е. автоматизированная информационная система [3. С. 401], не самостоятельно определяет характер исполнения, а проводит в жизнь указания, данные обязанной стороной договора.

Исходя из п. 16 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством», заранее выраженное согласие должника на исполнение обязательства должно быть сделано в явной форме⁴. В соответствии с доктриной, когда в законе установлено требование, чтобы заинтересованное лицо выразило явное согласие, то молчание следует принять за выражение несогласия. Поэтому

² Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 28 июня 2016 г. № 06АП-2802/2016 URL: https://kad.arbitr.ru/PdfDocument/a02424bd-33ca-4bb4-864c-2899555f9c9b/c6c88d65-7225-4a6f-9943-4934d2b499b1/A73-6112-2015_20160628_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf (дата обращения 26.07.2018).

³ Решение Рязжского районного суда от 26 апреля 2017 г. № 2-160/2017. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/q1E6zawJCy6l/> (дата обращения 26.07.2018).

⁴ URL: http://arbitr.ru/as/pract/post_plenum/58414.html (дата обращения 26.07.2018).

следует считать, что при исполнении обязательства из смарт-контракта одного молчания недостаточно, так как согласие в данном случае должно быть явно выраженным. В литературе приводится пример, что в случае необходимого согласия третьего лица на совершение сделки молчания этого третьего лица недостаточно для получения его согласия [4. С. 81–82]. Так, в соответствии с п. 4 ст. 157.1 ГК РФ молчание не считается согласием на совершение сделки, за исключением случаев, установленных законом. По аналогии представляется, что молчания для исполнения обязательства из смарт-контракта недостаточно, согласие должно быть явно выраженным, и для этого мы вправе использовать категорию заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства.

Автору статьи представляется, что категория заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства может быть применена, поскольку позволяет описать, почему должник остается лицом, ответственным за надлежащее исполнение обязательства, несмотря на наличие электронного агента, который совершает исполнение за должника. Однако помимо того, что сторона дает заранее выраженное согласие, если исполняется обязательство из смарт-контракта, данная сторона не вправе изменить согласие или каким-либо иным образом изменить или отменить исполнение обязательства, когда исполнение обязательства уже началось. Это в полной мере соответствует принципу эстоппеля [5], закрепленному относительно недавно в гражданском законодательстве РФ и уже достаточно широко применяемому в судебной практике. Сторона, давшая заранее выраженное согласие на исполнение обязательства с использованием электронной платформы, не вправе повлиять на ход исполнения обязательства своими действиями. В то время как при исполнении обязательства должником по норме ст. 307 ГК РФ должник может прервать исполнение или вовсе не исполнять обязательство с учетом негативных последствий этих действий или бездействия.

Помимо уже перечисленных обстоятельств, исполнение обязательства из смарт-контракта отличается следующими особенностями. Обязательства сторон из смарт-контракта исполняются одновременно, нет задержки между исполнением одной и дру-

гой стороны. Иными словами, можно отметить, что обязательства из смарт-контракта исполняются исключительно встречным образом. Под встречным исполнением обязательства понимается исполнение обязательства одной стороной, которое обусловлено исполнением обязательств другой стороной [6]. В случае исполнения обязательств из смарт-контракта встречность проявляется не в том, что исполнение одной обязанности происходит после исполнения другой – встречной обязанности, а в том, что исполнение сторонами своих обязательств происходит одновременно. Соответственно, присутствует синхронность в исполнении обязательств, нет задержки между исполнением одной и другой стороной.

Необходимо отметить, что исполнение смарт-контракта позволяет решить такую имеющуюся проблему гражданского оборота, как надлежащее исполнение обязательств [7]. Смарт-контракты позволяют исполнять обязательства надлежащим образом независимо от волеизъявления должника. Таким образом, принцип надлежащего исполнения действует при исполнении обязательств из смарт-контракта в полном объеме, так как изменить или приостановить исполнение обязательства из смарт-контракта не является возможным. Это можно проиллюстрировать тем, что с тех пор, как стороны достигли соглашения о заключении договора поставки, они не вправе отменить поставку товаров или денежных средств или же изменить условия поставки каким-либо образом.

Также исполнение обязательств из смарт-контракта происходит независимо от действий должника. По общему правилу, кредитор может удовлетворить свой интерес только в результате действий должника, находясь в связи с этим в зависимости от его поведения. При исполнении обязательства из смарт-контракта обязательство исполняется независимо от субъективного отношения должника к этому после заключения договора, при этом совершения каких-либо действий от должника не требуется. Кроме того, при исполнении обязательств из смарт-контракта нет принятия исполнения, соответственно, содействие сторон при исполнении обязательства не требуется. В целом, исполнение обязательств из смарт-контракта совершается подключенными к сети Интернет устройствами в автоматизи-

рованном режиме на основании договоренностей, достигнутых сторонами на этапе заключения договора. В качестве особенностей исполнения обязательств из смарт-контракта следует выделить автоматизированный характер, а также синхронность встречного исполнения, независимость исполнения от действий должника, наличие заранее выраженного согласия должника на исполнение обязательства. Кроме того, исполнение обязательств из смарт-контракта не может быть ненадлежащим или несвоевременным. Однако в тех случаях, когда исполнение обязательств из смарт-контракта противоречит принципам права (один из таких примеров будет рассмотрен), возможно применение двусторонней реституции.

Ввиду того, что особенностью исполнения обязательств из смарт-контракта не только является заранее выраженное согласие на исполнение обязательства, но и само исполнение имеет особенности, указанные выше, представляется обоснованным рассмотреть вопрос о дополнении ГК РФ нормой о том, что допустимо исполнять обязательства автоматизированно с использованием электронной платформы. Понятие автоматизированного (автоматического) исполнения обязательств можно уже встретить в законопроекте № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» от 20 марта 2018 г. В данном законопроекте смарт-контракт определен как договор в электронной форме, исполнение прав и обязательств по которому осуществляется путем совершения в автоматическом порядке цифровых транзакций в распределенном реестре цифровых транзакций в строго определенной таким договором последовательности и при наступлении определенных им обстоятельств⁵. В законопроекте № 424632-7 «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации (о цифровых правах)» от 26 марта 2018 г. используется понятие автоматизированного исполнения обязательства. Данный законопроект предлагает дополнить ст. 309 ГК РФ положениями о том, что «условиями сделки может быть предусмотрено исполнение возникающих из нее обя-

зательств при наступлении определенных обстоятельств без направленного на исполнение обязательства отдельно выраженного волеизъявления его сторон путем применения информационных технологий, определенных условиями сделки (автоматизированное исполнение обязательства)». Кроме того, в законопроекте закреплено важное положение о том, что оспаривание состоявшегося исполнения обязательств из смарт-контракта допускается исключительно в случаях, когда доказано вмешательство сторон сделки или третьих лиц в процесс исполнения⁶. При этом в ранее представленном проекте федерального закона «О цифровых финансовых активах», подготовленном Министерством финансов РФ, упоминалось о том, что защита прав участников (сторон) смарт-контракта осуществляется в порядке, аналогичном порядку осуществления защиты прав сторон договора, заключенного в электронной форме⁷. Другими словами, в законопроектах «О цифровых финансовых активах» законодатель больше склоняется к тому, чтобы признать смарт-контракт отдельным видом договора – договором в электронной форме [8] и при этом договором с особым способом исполнения обязательств – автоматизированным (автоматическим) исполнением. В законопроекте об изменении ГК РФ законодатель не называет смарт-контракт в качестве отдельного вида договора, а анализирует правовую природу смарт-контракта через исполнение обязательств, отмечается, что смарт-контракты вводят новый способ исполнения обязательств.

Указанные определения являются значимыми для обязательственного права, и под этим новым способом исполнения обязательств понимается автоматизированное (автоматическое) исполнение. При этом, по мнению автора, второе определение, т. е.

⁵ Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах». Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. Ст. 2. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения 27.07.2018).

⁶ Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации». Законопроект № 424632-7 от 26 марта 2018 г. С. 4. URL: [http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans_nsf/ID/B91DEDFBCF19B4E04325825C0032641E/\\$FILE/424632-7_26032018_424632-7.PDF?OpenElement](http://asozd2c.duma.gov.ru/addwork/scans_nsf/ID/B91DEDFBCF19B4E04325825C0032641E/$FILE/424632-7_26032018_424632-7.PDF?OpenElement) (дата обращения 27.07.2018).

⁷ Проект федерального закона «О цифровых финансовых активах». Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. 25.01.2018. URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&area_id=4&page_id=2104&popup=Y%20 (дата обращения 27.07.2018).

определение в законопроекте о поправках в ГК РФ, является более удачным с точки зрения того, что в нем смарт-контракт рассматривается с позиций уже существующей цивилистической доктрины и законодательства, не вводя новую классификацию договоров, а расширяя понятие «исполнение обязательства». Применительно к используемой в законопроектах терминологии понятие «автоматизированное исполнение обязательства» видится более успешным, чем «автоматическое исполнение». Автором данный вывод делается исходя из того, что в слове «автоматизированное» предусматривается работа некоторых технических устройств, например программы для ЭВМ (компьютера)⁸, в то время как понятие «автоматическое» подразумевает совершение каких-либо действий произвольным неконтролируемым образом [9]. И, кроме того, кажется, что регулирование таких важных для гражданского оборота понятий, как «смарт-контракт», автоматизированное исполнение обязательств должно осуществляться ГК РФ.

Кроме того, следует рассмотреть еще одну квалификацию автоматизированного исполнения обязательства, предлагаемую практикующими юристами в сфере исполнения обязательств из смарт-контрактов. Ими предлагается следующая поправка в ГК РФ, а именно введение статьи «328.1. Автоматизированное исполнение обязательства» такого содержания: «Исполнение обязанностей, а равно осуществление, изменение и прекращение определенных прав по обязательству, может происходить автоматически на основе электронного алгоритма (смарт-контракта), предусматривающего определенные действия, обусловленные совершением или несвершением определенных действий либо наступлением иных обстоятельств или иными параметрами, предусмотренными договором»⁹. Автор соглашается с предложенным определением, признавая тот факт, что оно позволяет опи-

сать, каким образом осуществляется автоматизированное исполнение. В то же время автором предлагается некоторое уточнение приведенного определения, а именно следующая формулировка автоматизированного исполнения обязательств для использования судебной практикой: «Исполнение обязанностей, а также осуществление, изменение и прекращение прав по обязательству может происходить автоматизированно на основе электронного алгоритма, согласованного сторонами путем заранее выраженного согласия с условиями договора». Автор в указанном определении несколько совершенствует юридическую технику, убирая слово «определенных», которое не добавляет нового содержания, а также заменяет понятие «автоматически» на понятие «автоматизированно», использование которого представляется более правильным. Остальная часть рассматриваемого определения является положениями ст. 327.1 ГК РФ, однако, представляется, что она не является подходящей, поскольку не отражает специфику исполнения обязательств именно из смарт-контракта. Автор видит необходимым отразить специфические особенности исполнения обязательств из смарт-контракта через конструкцию заранее выраженного согласия сторон с условиями договора. Использование данной конструкции позволяет объяснить, как связано автоматизированное исполнение обязательств и согласование сторонами положений договора.

Понятие «автоматизированное исполнение» обязательств можно найти и в зарубежных актах. В Белорусском декрете от 21 декабря 2017 г. закреплена презумпция о том, что условия, исполняемые с помощью смарт-контракта и написанные в виде программного кода, известны стороне при заключении договора¹⁰. Кроме того, дано определение смарт-контракта как программного кода, предназначенного для функционирования в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе в целях автоматизированного совершения и (или) исполнения сделок либо совершения иных юридически

⁸ <http://www.endic.ru/ozhegov/Avtomaticeskij-119.html> (дата обращения 27.07.2018).

⁹ Концепция изменения законодательства для внедрения смарт-контрактов. Проект федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в целях внедрения смарт-контрактов. URL: <https://www.simplawyer.com/smart-contracts-law/> (дата обращения: 27.07.2018).

¹⁰ Декрет Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. С. 9. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/ (дата обращения 27.07.2018).

значимых действий¹¹. Исходя из этого делается вывод о том, что смарт-контракт – это алгоритм, и договорные условия исполняются посредством смарт-контракта, который автоматизирует исполнение обязательств.

В литературе можно встретить упоминание автоматизированного исполнения обязательств. Так, исследователи приводят мнение о том, что смарт-контракты – это цифровые контракты, условия которых, предусмотренные на децентрализованной платформе, самоисполняемы и лишены невозможности неисполнения ввиду автоматизированного исполнения [10. С. 10]. То, что делает смарт-контракты уникальными, заключается в том, что они не только автоматизируют заключение договоров, что, в целом, предусматривается в правовых системах (как, например, ст. 434 ГК РФ об электронной форме сделки – обмене информацией в электронной форме) [11], а в том, что они автоматизируют исполнение условий договора. Действительно, смарт-контракт может быть использован для того, чтобы включить условия об обмене ценными бумагами, импортировать информацию о ставках доходности ценных бумаг и автоматизировать платежи с банковских счетов сторон [12. С. 417, 420]. По мнению автора, можно сделать вывод о том, что под характеристиками автоматизированного исполнения обязательств следует понимать исполнение с использованием электронных средств, на децентрализованной электронной платформе, лишенное возможности «подделки» (неисполнения) и осуществляемое независимо от сторон обязательства по заранее выраженному согласию сторон электронным агентом (программой для ЭВМ).

Рассматривая практическое применение смарт-контрактов и, соответственно, автоматизированного исполнения обязательств, следует отметить, что они получают все более широкое распространение, в том числе в России. Так, стоит привести сделку, по которой ПАО «Авиакомпания “Сибирь”» с одним из контрагентов провела расчеты с использованием покрытого аккредитива, а именно смарт-контракта на основе техноло-

гии блокчейн¹². В то же время судебных споров, рассмотренных в РФ относительно смарт-контрактов, пока не имеется.

Если рассматривать судебную практику других стран, то необходимо заметить, что в США такая практика уже имеется. Так, судами рассматривалось применение автоматических устройств, например в автомобилях, позволяющих дистанционно лишать арендатора автомобиля возможности его использовать в случае неуплаты арендной платы [15. С. 308]. Такое автоматизированное исполнение обязательств признается судами, и договоры, включающие положение об автоматизированном исполнении обязательств, имеют юридические последствия. В то же время первый прецедент, посвященный именно смарт-контрактам, имел место в Сингапуре: в 2017 г. Международным торговым судом Сингапура было рассмотрено дело B2C2 Ltd v Quoine Pte Ltd¹³.

Спор возник из-за предполагаемого нарушения правил проведения сделок по обмену двух виртуальных валют – биткойн и эфириум. Истец – электронный маркет-мейкер (компания, зарегистрированная в Англии и Уэльсе) – проводил рассматриваемые сделки через учетную запись, которую он открыл на виртуальной платформе обмена валюты, которой управляет ответчик (компания, зарегистрированная в Сингапуре). Спор начался с того, что 19 апреля 2017 г. истец попытался купить и продать виртуальную валюту эфириум за виртуальную валюту биткойн на платформе. С этой целью он разместил заказы, некоторые из них стали предметом спора. Из-за технического сбоя единственной доступной ценой на платформе была цена, предложенная истцом. Сделки состоялись, однако на следующий день ответчик, узнав о техническом сбое, в одностороннем порядке отменил сделки, вернув электронную валюту бит-

¹¹ Приложение 1 к Декрету Президента Республики Беларусь № 8 «О развитии цифровой экономики» от 21 декабря 2017 г. С. 2. URL: http://president.gov.by/ru/official_documents_ru/view/dekret-8-ot-21-dekabrya-2017-g-17716/ (дата обращения 27.07.2018).

¹² S7 Airlines и Альфа-Банк впервые в России провели сделку-аккредитив с использованием блокчейн. 21 декабря 2016 г. URL: <https://www.s7.ru/home/about/news/s7-airlines-i-alfa-bank-vpervye-v-rossii-proveli-sdelku-akkreditiv-s-ispolzovaniem-blokcheyn> (дата обращения 27.07.2018).

¹³ Supreme Court of Singapore. Media Summary: Singapore International Commercial Court Suit No. 7 of 2017 «B2C2 Ltd v Quoine Pte Ltd [2017] SGHC(I) 11». 27 December 2017. URL: <https://www.supremecourt.gov.sg/news/case-summaries/b2c2-ltd-v-quoine-pte-ltd> (дата обращения 27.07.2018).

койн на счета клиентов и электронную валюту эфириум на счет истца.

Истец, подавая иск в Сингапурский международный торговый суд, утверждал, что указанные действия ответчика нарушили Условия пользования платформой и доверие истца. В то же время суд занял позицию ответчика. Доводы ответчика состояли в следующем. Во-первых, ответчик утверждал, что включение положения о возможной отмене сделки в том случае, если стоимость сделки чрезвычайно отклоняется от обычной стоимости, загруженное на веб-сайт платформы 22 марта 2017 г., давало ответчику право отменить торги. Во-вторых, ответчик ссылаясь на то, что истец должен был знать, что цена сделок полностью не соответствовала всем другим ценам, которые были на платформе в течение этого дня (все они были более чем в 250 раз ниже).

Сингапурский международный торговый суд отметил, что нынешнее дело было атипичным из-за участия компьютерных систем. Хотя это была ошибка человека, из-за которой электронная платформа была неисправна, именно истец предложил продать виртуальную валюту по цене, чрезвычайно не соответствовавшей ценам на платформе в этот же день. С учетом этого Сингапурский международный торговый суд принял решение об отказе в удовлетворении требований истца¹⁴. Данное решение является весьма прецедентным не только в Сингапуре, но и во всем мире, так как это первое дело, объектом рассмотрения которого выступает смарт-контракт. Оно показывает, что при наличии ошибки в смарт-контракте применяются общие принципы права, такие как принцип добросовестности участников сделки, а также принцип разумности, который нашел отражение в осведомленности сторон об условиях договора и об обычных ценах, существовавших на рынке в момент заключения договора.

Таким образом, в настоящий период видится необходимым под способом исполнения обязательств из смарт-контракта понимать новый способ исполнения обязательств, а именно автоматизированное исполнение обязательств. Наличие положений

об автоматизированном исполнении обязательств свидетельствует о высокой степени развития гражданского оборота в цифровой среде. Кроме того, автор указывает, что предпосылки в обороте как недоверие сторон друг другу, желание уменьшить издержки на участие посредников при совершении сделок, сократить время на исполнение обязательств, позволяют прибегать к автоматизированному исполнению обязательств. Заранее выраженное согласие должника в данном случае повышает уровень доверия в обороте и устраняет риск недобросовестности контрагентов.

С юридической точки зрения мы можем заметить, что признаки автоматизированного исполнения обязательств являют собой ключевую характеристику смарт-контрактов в юридической науке и практике правоприменения. В сравнении с другими договорами, где сторона вправе исполнять или не исполнять обязательство, имея при этом определенные негативные последствия, стороны смарт-контракта не могут влиять на исполнение обязательства. Автоматизированное исполнение происходит на электронной платформе; при этом исполняются условия, записанные в форме программного кода. Неисполнение обязательства в таких случаях возможно лишь путем взлома электронной платформы. Также обязательства из смарт-контракта исполняются исключительно встречным образом – исполнение сторонами своих обязательств происходит одновременно. Автоматизированное исполнение обязательств из смарт-контракта позволяет исполнять обязательства надлежащим образом независимо от волеизъявления должника. Оно не может быть ненадлежащим или несвоевременным. В то же время в некоторых случаях исполнение обязательства из смарт-контракта может противоречить таким основополагающим принципам права, как разумность и добросовестность сторон. В таких случаях имеется техническая ошибка и желание одной из сторон использовать сложившуюся ситуацию в свою пользу в противоречии с общими принципами права. При наличии технической ошибки в смарт-контракте, как показывает уже имеющаяся судебная практика, возможно применение общих принципов права, таких как принцип добросовестности сторон и принцип разумности в отношении договорных условий, которыми связывают себя стороны.

¹⁴ Supreme Court of Singapore. Media Summary: Singapore International Commercial Court Suit No. 7 of 2017 «B2C2 Ltd v Quoine Pte Ltd [2017] SGHC(I) 11». 27 December 2017.

Список литературы

1. Поздняков Д. А., Юрасов М. Ю. Смарт-контракт и перспективы его правового регулирования в эпоху технологии блокчейн // *Закон.ru*. 09.10.2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tehnologii_blokchejn (дата обращения 26.07.2018).
2. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // *Вестник гражданского права*. 2016. № 3. С. 32–60.
3. Обеспечение прав и свобод человека в современном мире: Материалы конференции: В 4 ч. / Под ред. В. Н. Синюкова и др. М.: Проспект, 2017. Ч. 4. 445 с.
4. Дятлов Е. В. Согласие третьих лиц на совершение сделки в гражданском праве: Дис. ... канд. юрид. наук / РГГУ. М., 2014. 159 с.
5. Михайлова Е. О. Правило эстоппель: материальный и процессуальный аспекты // *Концепт*. 2016. № 5. С. 1–11.
6. Мельниченко О. А. Некоторые вопросы обусловленного и встречного исполнения обязательств // *Закон*. 2017. № 1. С. 122–136.
7. Минеев О. А. Проблемы реализации принципа надлежащего исполнения обязательств в современном гражданском обороте // *Вестн. Волгоград. гос. ун-та*. 2013. № 1. С. 35–39.
8. Дядькин Д. С., Усольцев Ю. М., Усольцева Н. А. Смарт-контракты в России: перспективы законодательного регулирования // *Universum: экономика и юриспруденция*. 2018. № 5. URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5806> (дата обращения 27.07.2018).
9. Суменко Л. Г. Англо-русский словарь по информационным технологиям. М.: ГП ЦНИИС, 2003. URL: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/2013/автоматизированный (дата обращения 27.07.2018).
10. Lin W. C., Zhiguo H. Blockchain Disruption and Smart Contracts. March 2018. NBER Working Paper No. w24399. 41 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3138382 (дата обращения 27.07.2018).
11. Халиков Р. О. Понятие электронной сделки // *Вестн. ТИСБИ*. 2005. № 4. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1219324> (дата обращения 27.07.2018).
12. Cieplak J., Leefatt S. Smart Contracts: a Smart Way to Automate Performance // *Georgetown Law Technology Review*. 2017. Vol. 417. P. 417–427.
13. Raskin M. The Law and Legality of Smart Contracts // *Georgetown Law Technology Review*. 2017. Vol. 305. P. 305–341. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2959166 (дата обращения 27.07.2018).

Материал поступил в редколлегию 27.08.2018

E. V. Somova

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

elisabethsomova@gmail.com

**AUTOMATED PERFORMANCE OF OBLIGATIONS ARISING
FROM A SMART CONTRACT**

The current article deals with a performance of obligations arising from a smart contract. Author considers the possibility of legal definition of such a performance and application of a previously expressed consent in these circumstances. It is proved that the performance of obligations from a smart contract has its own legal characteristics that differ from what is described in the Civil Code of the Russian Federation as for performance of obligations, and is automated. Using the category «automated performance» the author refers to Russian bills and foreign acts on smart contracts. The author is to offer the following definition for practical use of smart contracts: «performance of obligations as well as using, modifying and ending of rights can be done automatically on the basis of electronic algorithm confirmed by parties by previously expressed consent with the provisions

of a contract». The author also analyses the newest Russian and foreign practice as for performance of obligations from a smart contract, and courts positions if there is an omission in a smart contract.

Keywords: smart contract, obligations from a smart contract, automated performance of obligations.

References

1. Pozdnyakov D. A., Yurasov M. Yu. Smart-Kontrakt i Perspektivy ego Pravovogo Regulirovaniya v Ehpohu Tekhnologii Blokchejn [Smart Contract and Perspectives of its Legal Regulation in the Age of Blockchain Technology]. *Zakon.ru*, 09.10.2017. URL: https://zakon.ru/blog/2017/10/9/smart-kontrakt_i_perspektivy_ego_pravovogo_regulirovaniya_v_epohu_tekhnologii_blokchejn (accessed: 26.07.2018). (in Russ.)
2. Saveliev A. I. Dogovornoe Pravo 2.0: «Umnye» Kontrakty kak Nachalo Kontsa Klassicheskogo Dogovornogo Prava [Contract Law 2.0: «Smart» Contracts as the Beginning of the End of Classic Contract Law]. *Vestnik Grazhdanskogo Prava*, 2016, vol. 3, p. 32–60. (in Russ.)
3. Obespechenie Prav i Svobod Cheloveka v Sovremennom Mire [Enforcement of Human Rights and Liberties in the Modern World]. Proc. of the Conference. In 4 Parts. Chairman of the Editorial Board V. N. Sinyukov. Moscow, Prospekt, 2017, part 4, 445 p. (in Russ.)
4. Dyatlov E. V. Soglasie Tret'ih Lic na Sovershenie Sdelki v Grazhdanskom Prave [Consent of Third Parties to Making a Transaction in Civil Law]. Dis. ... cand. jurid. science. Moscow, RGGU, 2014, 159 p. (in Russ.)
5. Mikhailova E. O. Pravilo Estoppel': Material'nyj i Processual'nyj Aspekty [Estoppel Rule: Substantial and Procedural Aspects]. *Concept*, 2016, vol. 5, p. 1–11. (in Russ.)
6. Melnichenko O. A. Nekotorye Voprosy Obuslovlennogo i Vstrechnogo Ispolneniya Obyazatel'stv [Some Issues of Conditional and Reciprocal Performance of Obligations]. *Zakon*, 2017, vol. 1, p. 122–136. (in Russ.)
7. Mineev O. A. Problemy Realizacii Principa Nadlezhashchego Ispolneniya Obyazatel'stv v Sovremennom Grazhdanskom Oborote [Problems of the Realisation of the Principle of Due Performance of Obligations in Contemporary Civil Order]. *Vestnik of Volgograd State University*, 2013, vol. 1, p. 35–39. (in Russ.)
8. Dyadkin D. S., Usoltsev Yu. M., Usoltseva N. A. Smart-Kontrakty v Rossii: Perspektivy Zakonodatel'nogo Regulirovaniya [Smart Contracts in Russia: Perspectives of Legislative Regulation]. *Universum: Economics and Jurisprudence*, 2018, vol. 5 URL: <http://7universum.com/ru/economy/archive/item/5806> (accessed: 27.07.2018). (in Russ.)
9. Sumenko L. G. Anglo-Russkij Slovar' po Informacionnym Tekhnologiyam [English-Russian Dictionary on Information Technologies]. Moscow, GP CNIIS, 2003. URL: https://technical_translator_dictionary.academic.ru/2013/автоматизированный (accessed: 27.07.2018). (in Russ.)
10. Lin W. C., Zhiguo H. Blockchain Disruption and Smart Contracts. March 2018. NBER Working Paper No. w24399. 41 p. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3138382 (accessed: 27.07.2018).
11. Khalikov R. O. Ponyatie Ehlektronnoj Sdelki [Electronic Contract Term]. *Vestnik TISBI*, 2005, vol. 4. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1219324> (accessed: 27.07.2018). (in Russ.)
12. Cieplak J., Leefatt S. Smart Contracts: a Smart Way to Automate Performance. *Georgetown Law Technology Review*, 2017, vol. 417, p. 417–427.
13. Raskin M. The Law and Legality of Smart Contracts. *Georgetown Law Technology Review*, 2017, vol. 305, p. 305–341. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2959166 (accessed: 27.07.2018).

For citation:

Somova E. V. Automated Performance of Obligations Arising from a Smart Contract. *Juridical Science and Practice*, 2018, vol. 14, no. 3, p. 13–21. (in Russ.)

DOI 10.25205/2542-0410-2018-14-3-13-21